

Г. И. Успенский

Крестьянин и крестьянский труд

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 5
Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина

Подготовка текста Н. И. Пруцкова

Комментарии Г. М. Фридендера

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Иван Ермолаевич
- II. Общий взгляд на крестьянскую жизнь
- III. Поэзия земледельческого труда
- IV. Не суйся!
- V. Смягчающие вину обстоятельства
- VI К чему пришел Иван Ермолаевич
- VII. Пастух
- VIII. Мишка
- IX. Узы неправды
- X. Результаты и заключение

I. ИВАН ЕРМОЛАЕВИЧ

Вот уже почти год, как я живу в деревне и нахожусь в ежедневном общении с хорошей крестьянской семьей, ведущей основательное, подлинно крестьянское, то есть исключительно земледельческое, хозяйство, и как в первый день знакомства, так и сию минуту ни я, ни эта семья не смогли проникнуться интересами друг друга. Я не понимаю, зачем существует на свете семья и из-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не может и удивляется: зачем собственно я существую на белом свете? Мы находимся в самых приятельских отношениях; при встрече всегда здороваемся, раскланиваемся, спрашиваем: "как дела?", "все ли благополучно?" и даем друг другу ответ: "ничего, слава богу, помаленьку", но понимать друг друга все-таки не понимаем. Ни малейшего, мало-мальски общего интереса между нами не образовалось; все, что интересно мне, ни капельки не интересно для Ивана Ермолаевича (так зовут главу крестьянской семьи, о которой идет речь), хотя он, слушая меня, и поддакивает и старается сделать такое лицо, чтобы оно подходило под разговор; зевоту, которая иной раз является у него неожиданнейшим для меня результатом моей беседы, которую он, повидимому, слушает внимательно, -- Иван Ермолаевич весьма тщательно скрывает. С своей стороны, слушая задушевнейшие беседы Ивана Ермолаевича, я иной раз даже поступаю хуже его, прямо зеваю и потом извиняюсь, что выходит уж совершенно неприлично.

Когда Иван Ермолаевич едет в город или на станцию, самая важная для меня просьба, с которой я к нему обращаюсь, -- это "привезти газету, зайти на почту в взять письма", а второстепенная в том, чтобы захватить муки, мяса... И всякий раз выходит так, что муки и мяса он привезет, а газету и письма забудет.

-- Забыл! -- говорит он чистосердечно. -- Говядину-то и хлеб я помнил, а насчет этого... повел лошадь ковать -- забыл!.. Мало ли делов-то! То то, то другое, все по хозяйству -- оно и забудешь!

-- Как же это вы так, Иван Ермолаевич! ведь я вас как просил?..

-- Что поделаешь-то!.. я помнил... Всю дорогу я, признаться, в уме держал... Да тут барышники с лошадьми встретились... одна лошаденка каренькая попалась... такая приятная скотинка... грудь, так, братец ты мой, веришь, вот не солгать, сказать ежели...

И затем начинает длиннейшую рацею о таких вещах, которые вовсе не интересны.

С своей стороны и я не всегда удовлетворяю желаниям Ивана Ермолаевича. Двадцать по крайней мере раз просил он меня, когда я ехал в город, "не забыть насчет, колесной мази", и ровно двадцать раз я об этой мази забыл.

-- А мазь привез? -- спрашивает Иван Ермолаевич, выходя на крыльцо ночью, часу во втором,